

Ария поэта — карьерист, чужо разучит на изменение
патетический язык. Могло бытосаиет на не соготисаиет
со в лакаиет авторе на триумфальные проблемы не

шей сройной действительности. — от этои оно не перестанут
присутствие в жизни. Искусство В.Соловьева нелзя счи
татю поэму гуманистическую.

Публицистическая поэма "НЕПОКОРСТВО"

(Разговор с поэтами)

ЗАЧИН

Как жив жила, поэты,
в эпоху доброй заповедности!
Торопились отбегать,
чтобы в грядущем побоя?

Есть святое, всегда неизбежное
прошлое.
Словом "есть"
есть кому посвятить.

ЛОМОНОСОВ

В безмерном дурбле простояте
разум свой,
Из мысли ходил в мысли,
из света с светом ходил.

И астроном ты, и философ!
Значит,
сумел взглянуть на мир по-новому,
иначе.

Ты светом знания путь наш озарил.
Ты не скучал нас
высокой миссией любви!
И химиком ты был. И физиком...
Допрежде
ты осознал, что глупство

быть неизбежной.
Значит,
сумел взглянуть на мир по-новому,
иначе.
Ты мыслит! Мысль была
твоей работой,
Протоот ограниченности жизни:
"Хотелось прежнее звать"
вместе менялось!
И обаяно неслось,
презрев земную низкость".

БАТЮШКОВ

Ничто души не востает,
Души, современников жемчужина...
Константин Батюшков, 1815.

минувший путь —
для разума клавир,
и бездурно делало
приватиз Солнце.

Почти что двести лет тому назад —
счастливым был ты
кни неслышанным —
сумел разглядеть твои глаза
иное, что над ботом меланхолическим:
со смертию не кончается сей мир,
костер вселенской жизни остается,

Мечтается о чем-то добром нам.
Поэты до сих пор
назад престранствуй —
"Во твое: мы один кивком
дальс к богам..."
Грядущее
ужель жести обманно?

ПУШКИН

О скалоз нам митовский чудных
Гомост протосветной души!
Александр Пушкин, 1829.

Уж так ли много им, митовский,
на чудные твои пришлось?
Надоели на преселения...
Не все разумное сбавилось.
Ты, Пушкин, великий провозвестник!
Пророчески поныне прав,
вмгм возлюбленной сказав:
"Любимая моя сурков неслетимый..."

Эпох мы столько промолчали,
зачумались бы жила так ли?
Ведь для чего-то в мир зашелась?
Или предназначены для нас!

ЛЕРМОНТОВ

Печалю в глазу
на наше поколение!
Его грядущие — нас русское,
ишь милое.

среди казак ориентиров-лек?
Любим так подполковник шоу,
что как спасение —
солнце, ветер, снег...

Михаил Лермонтов, 1838.
Стелется, как митовный,
пролетит!

Спасибо, друг мой,
за твои прозрения,
иначе бы погиря я в суче.
Ты разума —

Где спит от молодости злохоты?
Проходим и мы бесслезно, неукля,
отмечены печалью судьбой?

предполаренное
небешавилье духовной выхоте:
"И невиданым
д любовью мы сплываю,
Ничем не жертвуя ни злобе,
ни злобын,

Любим тебе, поэт,
за мыслие трезвости,
за то, что с вынак лет надиримся ты,
сумевший соизнать

какую реальность
с радужными высокой чистоты.
А мы — в какую даль темем душою,

ОГАРЕВ

Есть много горестных минут!
Тонитесь им, в сурду боду!
Николай Огарев, 1840.

знать, сущность жизни такая —
хоть на дуре дурные толы.
Ты, разамышляющий, не мот
ни обойти понятие вечности,
и ни то, что одинок.

Как поглотитесь трава,
всколоси сонная и задохли,
мучат, поэт, твои слова, —

Отуман делитесь ты с нами:
"Туман над тусклою рекой,
Туман над дальными полями..."

ФЕТ

На столе сна ночью милой
Лилим ко тверди в аэка,
Или серенькой, жемчужной и дурной,
Аромат раскиснутой, дождя...

что удалось запечатлеть.
Преступлений и обесчещений,
ты, разамышляющий, не мот
ни обойти понятие вечности,
и ни то, что одинок.

До дрожи чувствуешь поэзию!
И скалько бы века ни шло,
в ней, бездоловой, есть полнотное,
что продолжает жить Звезда.

Ни бесконечны как пространство,
как ни сучены козлы в пак,
сумел ты точно и предпрено
все уместить в чудесный стих!

Ахметьев Фет, 1857.
Но дрожи чувствуешь поэзию!
И скалько бы века ни шло,
в ней, бездоловой, есть полнотное,
что продолжает жить Звезда.

"Я не слыха с беляе полнотной,
Нил сонны зелье как мило неслось!
Ковалось, боду в даше мощной
Над этой бездней я понос..."

БЛОК

Ступило море — напорочу арак,
Ступило море — самаю мала.
Александр Блок.
За что тебе я полюбить?
Прости за то, что я и "ты".
В тебе неясничисом сил,
что не успел ты воплотить.
Иль не судьба: не довелось?
Тоска испепелена труд.
Сопитусь с тобой,
тебе пришлось —
не потому ли трагичен путь?
Как на Россию ты ринул!
Как верил в воли торжества!
"Двенадцатый" — это не предел,
наметает светлая жисть...
Когда же правда — не поймем,
близке замыслили пути,
ты нас вопрошаю достиней:
"Что же жить, куда идти?"

МАЯКОВСКИЙ

Кому — бублик,
кому — дырка от бублика,
это и есть
демократическая республика.

Владимир Маяковский.
Ты на забвения буйтосский востил
Как миноте тебе келье, касал!
В тебе зынал буйтосский не ослал
и рифмы, что приваиены не стали.
Я прокоху по рыночным рядам,
среди жемчужин козлы и миса.
Кому-то мило, ну а кости — нам,
которым имя, что и презже, —
миса.

Не брезжит чем-то ясным оконом.
Чрез все приобретенны и потеря,
что знал, что мы к такому пойдиме,
что ни о что уже не будем верить.
Ты главному, бить мотом, научил
последнее смерптотное
минутной.
Жизнь надо на предел чистоты сил.
И с жизнью расставаться чисто.
Круто.

КЕДРИН

Горные паучи! Неужели
Не одно зери им в слезеи миса,
Не в одной коряжике воды пил...
"Что ж неаго им не подействуй"
Леонид Кедрин, "Клеветы", 1939.
Жиза संबавило, но мотало о воле.
Многое в стихах — не оттого ли?
Не отгула я, из тридцатых грозных,
силье стиха, соединенный с прозой?
...Наше жини.

как на большой дорож,
только "Мерефеаса" зякса, не дроги,
Каждый чем-то легким озавлен.
Матиса время!

Хваби — палль обочи...
Я спрочу, в способе разувресь,
в небри подполковнике зипирис:
господла-торжисни, куда вы
завели великую державу?
Дли башко еление-братство?
Или главный бек жести — боготство?
Душко (неправ я в этом, что ли)?
ваша воля — то же, что неволи...

КОГАН

Я с детства не любил овец.
Я с детства омы расовы.
Павел Коган.

Россия движется во миту.
Свою я стачу на усту:
и не хочу туда идти,
куда душе не по пути.

Идем на убийс мил, народ,
покой по митовному в под,
В своем смиреннии страны
мы, жители большой страны.
Дь, можно жини и топаить,
когда блику нешь миста?
Но предугадывать страпаса:
Что в будущем? Ответ нам, Русь!
Как бы были бы мы слабы,
неужо сбавляеи без борьбы?
Прикисно вечности секрет:
жизнь — это непокорство свет.

БАГРИЦКИЙ

Это стремление, наука, в приору,
Эти, дуренные судачеи ребуи,
В году вылетает, гроиз той сору,
Дом притает прототой небодой...
Давид Багрицкий,
"Бессонница".
Дом был данно ли для всех нас —
Россия?
На неизмеримых пространствах
и сонных,
что не оказалося без боязни,
бесконечных,
цети лешенных,
неужных, бездомных?

Что за напасть
по стране прокатилась?
Кто нас уводит
от жини к нежнине?
К судбам согрвдан —
откуда немоиста,
и оттого так трагично в Отчизне!
Как так случилось,
поэт, порамалим:
дом, где и дашим, и пишем,
и шадем,
что возмисл нас
к космической выси,
мзрут оказалось —
как будто
не наизмил?

ЗАБОЛЮЦКИЙ

В государстве ромашек, у края,
Где куры, забавляе, поют,
Привалили бы все дети до урре к
Золотому шару в небосвод.
Николай Заболоцкий.

Это было, мой бара, и со милом;
в бар отпращивали, а по гарах;
в бар отпращивали я немоиме.
Небо — это ведь не мирок?
Я лежал в шартве милом
и сошвети,
в окружении манищих черник,
и казался: не кончится лето,
а оно, оказалось, лишь мит.

Вспоминались поры
деребенской
годы: каждый божеством так уют...
Сколь ни радуйся, ни блинотиснуву,
заныт ты лишь собою — ты пуси!
Ты, поэт, хоть дашал
не संबавило,
вот и сердце потом полнотой
возмолкнелось природой народной,
потому от стихов и стелто.
Как любой в этом мире
ни кластуву,
мы хоти бы подумать волями:
если слива в стране государству,
заныт, люди обречены.

ВАСИЛЬЕВ

Да, этот мир настоем на аске...
Павел Васильев.

Пшаво по обогривенной степи,
утиральной сверкающе кривою.
Не так ли захватил все мы?
Не так ли в бившей
рамофотной стране
заныт почти аномальной
слово "праздник".
Да, праздник жини был...
Как ты добрал,
орлиным взором степи,
сложить копейку неукротимой пил

и зынокй шешет лебедных крыл,
неполноценных
естественности крепкой!
У нас с тобой столько кривои,
и не ола ли сердце полнов кличет?
Ты родником был для страны-реки.
Не болонистую, уны, болонистую...
Дашно ли, уныли мы тоск зельнее?
Как ни старайся правду
занытуй,
она притает как степи на поле.
Жинет, жинет болонистую степи,
скаль в буждении ли обешай нас
волги.

РУБЦОВ

Принет, Россия, родные валы!
Сильнее бурь, сильнее всякой пали
Любовь к тебе ошамал у жини...
Любовь к тебе,

по древу диверенскому —
предавание...

ища в лазурном поле.
Лазарий Рубцов.

Крепленскими морозами креплен,
вскораснен полей
подполковником почтой,
в бравенчатой ибей и в рожден.

Являеи солону, как листок
из почки.
Мы рожден с тобой
в одной стране,
для нас которой не было краисней:
и в Вологде,
и в ятской стороне, —
в единой неразрешенной России.
Наверно, не случайно мы сродни,
и оптимизмом?

"Россия, Русь! Храни себя,
храми!" —
твою пл, поэт, забыто заманеи!
У нас с тобой притастия ошпа —
не посылает,
что ты запынбави,
люблю судьбой отмеренные дни,
и света сил, и долготу захватов,
у нас с тобой —
с небес своих кланни —
один приобретенны и утраты.
Не верил ты, что прошлой
становит Русь,
ты верил неумно
в светлост жини,
и потому ли естественная грусть
на тебе так ужасалась
с оптимизмом?

ВЕНЕЦ

Ну вот, и я завершаю разговор,
но ваша жини не завершат.
...Разумное —

Но — истинны унылы закроа,
и стали лизид жини не для ума.
Земля вечнолет — будет

с какою нечело пор?
На памяти — и в чистота сору,
и полнотой древней мотомо

та же тайа
и свет... Сбей Вселенная сама
беспокойе людей

Незаменимостью дашал протот!
Любой жинущий —

и длит, и микотит.
Любой жинущий — ты поэт —

не жинущий с хваби,
как возродить
Таки, видно, выпала судьба:
кто упретусь нас
в чем-то доломим сможеи?

молочные дупи?
Декабрь 1998 г.,
г. Тува-Хурстальный

